

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

Анна Баринова

**Проводницкий
СЫН**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТЕРРА»
КНИЖНЫЙ КЛУБ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Издается с 1925 года

АННА БАРИНОВА

ПРОВОДНИЦКИЙ СЫН

Издательский дом «Огонек» — «Терра—Книжный клуб»
Москва — 2008

ОБ АВТОРЕ

Анна Евгеньевна БАРИНОВА родилась в Москве. Работала шеф-редактором молодежного журнала «Пульс», редактором в журнале «Литературная учеба», ныне — ведущая постоянных рубрик в «Здоровье» и его приложениях, в «Ступенях». Публиковалась в журналах «Московский вестник», «Смена», в «Литературной газете», в газете «Московский литератор», в альманахе «Проза». Лауреат премии литературно-философского журнала «Литературная учеба» в номинации «Лучший рассказ года» (2002 год). Печтается во многих периодических изданиях, является постоянным рецензентом газеты «Книжное обозрение», известна в качестве объективного критика и автора серии психологических статей в гляцевых изданиях. Член Союза писателей и Союза журналистов России, а также Международного Союза журналистов.

© Издательский дом «Огонек»,
внешнее оформление, 2008
© Терра—Книжный клуб, 2008

ПРОВОДНИЦКИЙ СЫН

*Кто виноват из них,
кто прав — судить не нам;
Да только воз и ныне там...*

И.А.Крылов

Ненавижу! Жду папку... уже вот вторая неделя пошла. Он же сам говорит, что рейс, даже заграничный, не больше семи дней бывает!.. Сегодня в школе я опять набил рожу Малинову. Училка ругалась, обещала вызвать папку — даже несмотря, что его сейчас нет. Приедет — наверняка даст по шее: он же не понимает, что Малинова весь класс бьет!..

Опять дождь, дождь за окном. Мамка пришла с торговли.

— Мам, помоги английский сделать, — прошу я.

Она глядит на меня и взбивает прическу:

— Зараза... опять волосы намокли! Некогда мне сейчас, Дима, некогда! Сделай как-нибудь сам.

Я раскрываю ее зонтик и ставлю в прихожей — сушиться:

— Скучно, мам.

Глаза у нее делаются усталыми:

— Ну, чего ты от меня-то хочешь, Дима?! Через полчаса — уж бежать надо: дядя Сережа ждет. Вон с собакой поиграй, приставку включи, наконец... Только купили — и уже надоела, да?

Я залезаю в кресло перед телевизором, щелкаю пультом «Денди». На экране прыгают и лупят друг друга по мордасам разноцветные роботы.

Мама, переодевшись в халат, шлепает босыми ногами в ванную. Я знаю, что все эти полчаса она будет там краситься и волосы завивать. Когда папка в рейсе, она каждый вечер к дяде Сереже, начальству своему, ходит... или к подругам. Дядя Сережа большой и скучный. Папка приезжает и обязательно ее спрашивает: «Как хахаль твой поживает? Не надумал еще?..» — и долго хохочет.

Я слышу, как мама начинает чего-то напевать, и прибавляю громкости в своей игре. Мама выходит, зовет собаку: «Ко мне, Рокки! Гулять пора». Надоедливый черный Рокки прыгает ко мне, зубами тянет за рукав, лижет. Думает, наверное, что я тоже пойду. Я отпихиваю его лохматую морду:

— Некогда мне! Еще уроки...

Мама оборачивается:

— Проголодаешься, там в холодильнике — сардельки. Где всегда. Хлеб вроде остался, — она роется в своей сумочке и протягивает мне две смятые десятирублевки: — На вот: скучно будет, сбегай до палатки — купи себе чего-нибудь. Только далеко, за дорогу, не уходи!..

Я говорю ей «спасибо», провожаю в прихожую, захопываю дверь. На лестнице Рокки заливается веселым лаем...

* * *

Папка приехал поздно — около двенадцати ночи. От него, как и всегда, чуть пахло выпивкой. Я повисел у него на шее, потом кинулся в сумку:

— Вкусности привез?

Снимая ботинки, папка плюхнулся прямо на пол:

— Где эта? Дрыхнет?

Я покачал головой — мама вообще еще не приходила.

— Ну, и черт с ней! — махнул рукой папка. — Ты доставай, доставай — там конфеты, самолетик... Сейчас и поужинаем вместе.

Он прошел в кухню, поставил чайник. Я стал разглядывать маленький заводной, сильно блестящий самолет:

— Спасибо, папа!..

Папка улыбнулся, подошел ко мне и отодвинул игрушку:

— Вот что, сынок, собирайся — послезавтра в рейс поедем.

Я подскочил:

— Честно?! Значит, ты возьмешь меня с собой? И школа — ничего?

— Подождет школа. Шибко умным всегда успеешь стать, — рассмеялся в ответ папка. — Я училке объяснительную представлю.

Хотя это и стыдно, но я от радости уткнулся в папин свитер и даже немного поплакал. Он тоже засопел:

— Надо же когда-то обещания выполнять...

Чайник засвистел. И тут же раздались дикие звонки в дверь, и сразу — коврыяние ключом. Я хотел идти открывать, но папка зарычал:

— Обойдется! Дима, сидеть!..

Я испугался и занялся своим самолетом. Мама, наконец, вошла. Она была мокрая и грязная, и такой же грязный Рокки с оборванным поводком вертелся у нее под ногами. Потом я увидел, что мама очень пьяная и так шатается, что даже сбила один стул. Рокки вытряхнулся прямо на обои и влетел в кухню. Он сразу же стал скакать вокруг папы, стараясь его лизнуть.

— Привет, — мама остановилась в дверях, как-то дебилливо улыбаясь: — Все в сборе...

Тут папка нахмурился и ка-ак заорет:

— Пошла прочь, сволочуга! И эту пакость с собой забери!!! — он так отшвырнул собаку, что та вылетела аж в прихожую, чуть-чуть повыла там и затихла...

Когда скандал унялся, я тихонько потянул папу за рукав:

— Рокки-то мертвый, наверное, — не шевелится...

У папы было все еще красное злое лицо:

— Не смей жалеть! У тебя в деревне есть собака.

Рокки как будто услышал: жалостно заскулив, он пополз к маме в большую комнату. Оттуда слышался громко включенный телевизор и храп.

— Пап, — переспросил я, — а ты все-таки возьмешь меня с собой?

— Ну, конечно! — он потрепал меня по голове: — И знаешь, Дима, кто с нами поедет? Инна! Та самая тетя, которой я все время звоню, и еще она тебе английский по телефону делать помогает!..

— А че она-то? — удивился я. — Тоже проводник?

Папка рассмеялся:

— Ну что ты! Она просто «челноком» работает, и часто с нашим поездом мотается. В этот раз мы специально договорились...

Из рассказов папы я знал, что «челноки» — это такие люди, у которых почему-то всегда много денег. Они с этими деньгами по странам ездят, покупают там шмоток, техники, игрушек, забивают вагон так, что он по всем швам трещит, и мешают нормальным людям ехать, а границе — работать. А потом привозят все это домой и торгуют на рынках по таким ценам, что купить ничего невозможно!..

— Пап, а зачем нам эта тетка? — я сделал вредный голос.

Он немного помолчал, потом пожал плечами:

— Чтоб тебе веселее было. Она молодая. Играть любит. Ладно, спать пора! Потом узнаешь...

* * *

Всегда, когда очень ждешь чего-нибудь, время ползет, как черепаха! Утром папка с мамкой еще раз поругались: потому как она-то — в восемь на торговлю встает, а папка, по его собственному выражению, после работы уставши, — в это время еще только пятый сон досматривает. Ну, я-то в школу умею тихо собираться — папке спать не мешаю, а мамка — то магнитофончик включит, то фен!..

Весь вечер мы с папой то вещи собирали, то он тете Инне названивал — даже зачем-то от меня «привет» передал.

Потом, укладывая меня спать, внушительно заметил:

— Она даже банку икры купила — для тебя. Цени!

А на фига ж, спрашивается, мне эта икра, когда я, кроме пельменев, жрать ничего не могу, а бабушка еще в пять лет у меня диатез на все рыбное нашла?!.

Папа не унимался:

— Разве эта, с позволения сказать, когда-нибудь тебя таким кормила?!

Я прошептал «нет», перевернулся на другой бок и притворился спящим, потому что знаю: когда папка мамку разбирать начинает — тем более, в ее отсутствие, — добра от него не жди!..

Папа ушел очень рано. Я слышал, как захлопывалась дверь, но совсем не боялся «наколки» — он точно обещал заехать за мной после обеда. Я вспомнил, что в школу сегодня идти не нужно, и только собрался поспать еще несколько часов, как дверь из соседней комнаты скрипнула, и тут же мама присела ко мне на кровать:

— Спишь, сынок?

Я потянулся и сказал «доброе утро»:

— Папка уже на работу смотался, — добавил, позевывая. — Ты че, тоже пошла?

Мама погладила меня по челке:

— Нет, рано еще, сынок... Я чего-то вчера слышала: придурок этот — отец твой то есть — в рейс тебя забрать хотел?

«Ну-у, пропало спанье!» — смекнул я и проворчал:

— Да! Сегодня. Он вообще сказал, что насовсем заберет, если ты ко мне плохо относиться будешь!..

— Да что ты? Что ж я без тебя делать-то буду, сыночек мой миленький? — запричитала мама. — Ни в жисть не отдам!

— А еще папа сказал, что с нами какая-то тетя Инна поедет, — засмеялся я: — И она, между прочим, уже для меня всего дорогого и вкусного накупила!

Мама так и задохнулась:

— Это — которой он все время телефон обрывает?

— Ага, — кивнул я.

И сразу же у нее вид сделался, как будто кипятком ошпарили, — чудно так! Минуту еще посидела, потом в коридор вылетела, в сумках своих там, значит, порылась, прибегает:

— Димочка, не слушай папку: у него, знаешь, вот здесь, — пальцем у виска крутит, — не все в порядке! Там страшно, опасно, на колесах опять же... А тетка эта папина — шалава и проститутка!

— Че такое шалава? — поинтересовался я. — С проститутками на телеке ток-шоу было — знаю.

— Не важно! То же самое, — отмахнулась мама. — Может, ты не поедешь, Димочка, пожалеешь маму — одинокую?

Я сел в кровати:

— Не могу — обещал. Да и съездить давно хоцца!

— Сыночек, — подлизывалась ко мне мама, — вкусенького-то и я тебе купить могу! Ну, подумай, чего ты там не видал?! — она сунула мне новенькие пятьдесят рублей: — Купи, чего хочешь. На новую губнушку берегла — ну, да ладно, ради такого случая!.. — совсем как Рокки, просительно заглянула мне в глаза: — Может, не поедешь, а?

Подражая папке, я солидно пожал плечами:

— По-ду-у-у-маю...

А про себя: «Классно! Теперь есть с чем в рейс катить!»...

* * *

В метро мы с папкой бежали, потом скакали по шпалам от вокзала до здания депо.

— Дико не успеваем! — задыхаясь, пробормотал папа: — Счас приедем, а состав на вокзал протянут!..

— Сам виноват — нечего было мой рюкзачок так до фи́га набивать! — пожаловался я.

— Ф-фу, слава Богу, на месте, — папка остановился у зеленого вагона с тринадцатым номером, подолбил по двери кулаком.

Она сразу же открылась, и оттуда показалась улыбающаяся тетка. Она была сильно высокая и худая, и гораздо красивей мамки.

— А-а, наконец-то! — сказала она, открывая для нас ступеньки в вагон. — Ну, привет, привет!

Поднявшись в тамбур, папа проговорил каким-то не своим голосом:

— Познакомься, Дима, это — тетя Инна.

Я чуть-чуть подумал и выговорил:

— Здравствуйте.

— Извини, руки давать не буду — в топке только что ковырялась. Ну, и мокрые же вы оба!.. — она засуетилась вокруг нас с папой, расстегивая и отряхивая куртки, забирая сумки, стащила с меня рюкзачок.

Папка протопал внутрь вагона:

— Естественно — дождь...

Тетя Инна, продолжая тормошить то меня, то наши сумки, обернулась к нему:

— Я тут похозяйничала без тебя немного: прибралась, топку подчистила... Ничего?

— Отлично! — обрадовался папа. — Как заправская проводница! У меня-то никогда эдак чисто не бывает.

Не зная, куда себя деть, я стал лазить по перилам, хлопать дверьми купе.

— Дима, не шуми! Достань-ка лучше свои английские тетрадки и позамайся с тетей Инной, — посоветовал папка.

Я сделал плаксивое лицо. Но папка уже вертелся около своей тетки:

— Может, покормим? — донеслось шепотом.

— Конечно, — и она тут же занялась накрывательством стола в первом купе.

Я на них возмутился:

— Н-ну-у, это вы даете! И английский, и жрачку вместе навесить решили?! Не пройдет!

Папка, как обычно, растерялся. А тетя Инна по-товарищески подмигнула:

— А если — не вместе? Одно за другим, например? Я вообще-то в курсе насчет тройки в четверти.

— Чего-о?! — взъелся я на папку. — Ты обещал, она только играть будет! Опять училка...

Папка молчал, видимо, собираясь с духом, чтобы заорать. Еще я заметил, что он с каким-то ужасом взглядывает на свою приятельницу, когда я откалываю очередной номер. Обычно-то он только радуется, а тут... — совсем как побитый! — как на той «родительке» после свороченного карниза в классе. Стыдно ему из-за меня, что ли?!

— Ну, хорошо, — тетя Инна внимательно уставилась мне в лицо, — значит, и с тем, и с другим у нас проблемы. Так? И что же для тебя менее обременительно?

— Еда, конечно! — бойко отозвался я.

— Отлично! — она захлопала в ладоши и стала похожа на сильно переросшую однокашницу. — Английский отменяется! К столу, пожалуйста!..

— На весь рейс? — уточнил я.

Папка с облегчением рассмеялся и хотел было возразить, но тетя Инна застухнула:

— Зачем ему еще и в поезде английский? И так, небось, школа достала!..

Конечно, это было классно с ее стороны!..

Папа впихнул меня за стол. Тетя Инна сразу же навалила на мою тарелку аж три бутерброда — с икрой, с салом и с колбасой, пододвинула стакан чаю.

— Между прочим, я дома только из блюдца пью... — протянул я, ковырясь в хлебе.

Наверное, все-таки еду придумали взрослые именно для того, чтоб над детьми поиздеваться!..

Папка нахмурился:

— Обойдись-ка без всегдашних штукеч, Дима! А то — я т-тебя!..

— Ты прав, — защитила тетя Инна. — Надо подыскать что-нибудь.

Она вышла и, минут пять пошелестев целлофаном, вернулась с маленькой нарядной мисочкой:

— Это подойдет?

Мне очень хотелось покочевряжиться еще, но посудина оказалась нормальной — пришлось заткнуться!..

И вот уже папка с тетей Инной расселись по бокам от меня, жуют за обе щеки и повторяют: «Ешь, ешь, ешь!». Есть не хочется. Скулы сводит от предвкушения поездки — ведь я впервые в поезде!..

— Вы — большие, вам и кушать много хочется, — с набитым ртом канючу я.

— Ешь, говорю, — хуже будет! — грызается папка. — Мне тут с тобой возиться некогда: скоро уж пассажиров сажать!..

Половинка бутерброда, наконец, проглотилась. Я делаю детсадовское лицо и тормошу за рукав:

— Теть-Ин, а вы «Спокойной ночи, малыши!» случайно не смотрите?

Папка весь сжался — чувствует пакость.

— Теперь нет, но еще по детству хорошо помню, — улыбается тетя Инна.

Этого-то мне и надо! Я делаю совсем кретиновое выражение — «святая простота», как говорит бабушка, — громко хлопаю в ладоши и, как на митинге, выкрикиваю в такт:

— Хрюша, Филя и Степашка — ал-ка-ши!

Папка тут же подавился и теперь беспомощно разевает рот, как пойманная рыба. А я набираю побольше воздуха — и:

— Хрюша, Филя и Степашка — ал-ка-ши! Хрюша, Филя и Степашка — пер-ду-ны!

Глаза у тети Инны круглеют, вылезают, как у рака, она явно хочет чего-то сказать и... заливается долгим веселым смехом. Папа облегченно вздыхает — теперь и ему поржать можно! — и вторит ей своим простуженным баском. Опрокинув тарелку, я резко сматываюсь в коридор: еда миновала. И уже оттуда дразню их:

— Хрюша, Филя и Степашка — ал-ка-ши!

Папка, захлебываясь хохотом, пытается объяснить тете Инне, что это у нас в школе сказочки сочиняются, а вовсе не я такой испорченный. Вот это мне уже не нравится: так ли крута эта тетка, чтобы папка — мой папка! — к ней подлизывался?! Я только собираюсь сделать хмурое лицо, как поезд фыркает своими тормозами: «Пф-ф-ф...» — и начинает тихонько катиться. Медленно проплывает назад дом для ремонта вагонов, три высоченных тополя, и над головой — железный мост — большо-ой!.. — папа называет его «служебным». Тетя Инна все еще смеется:

— Потацили... на вокзал.

— Да, скоро посадка, — взглядывает на часы папка. — Пора мне форму одевать. Ты бы прибралась с ужином — вроде поели, — оборачивается ко мне: — Помогите тете Инне, Дима.

— Не хочу!

Папа глядит на нее, как виноватый:

— Обычно он все это делает. С удовольствием! И даже посуду...

Тетя Инна его не слушает:

— Ты представляешь... Вспомни, сколько раз я вот так же мерзла на платформе — обыкновенная пассажирка! Ты пожалел меня: на десять минут раньше в вагон пустил — погреться, а даль-ше-е... — она лениво поводит плечами. — А теперь вот сама билеты проверять буду, как настоящая проводница!..

Папа совсем понижает голос:

— А скоро, может быть, и вообще забудешь эти проклятые дороги!..

Она взмахивает рукой и — шепотом:

— Все это прекрасно, Игорь... Жить-то на что будем?

— Не ссы в компот — там повар ноги моет! — меня давно распирает похвалиться: — В этом рейсе не пропадем! — вытаскиваю из кармашка джинсов заветную пятидесятирублевку: — Видали? Мамка дала, чтоб с папкой не ехал! Сегодня... утром...

А у них у обоих почему-то и руки опустились, и радости — ну, никакой!.. Переглянулись меж собой, и тетя Инна говорит тихонько:

— Вот видишь... А рассказывал — ей наплевать.

— Кому? — поинтересовался я.

Папка вдруг крепко прижал меня к себе:

— Ничего. Хорошо. Рад за тебя!

До чего же долго тянется эта самая посадка!.. Вроде и пассажиров-то — полтора идиота, зашли они в вагон — и уж ехать можно. Я предложил папке их вообще не впускать — нам больше места будет, но он сказал, что тогда ничего не заработаем.

Наконец поехали. На мой взгляд — очень резво.

— Погоди, — обнадежил папка. — Еще увидишь, как он по горам летит — тогда держись крепче: мигнуть не успеешь — уже на полу!

Темнело. В небе показывались звезды. Они были крупные, как горох, и летели вслед за нами.

— Еще ярче деревенских... — протянул я.

— Не бывает деревенских и городских, — объясняла тетя Инна. — Звезды — одни и те же по всему небу.

Тут я разглядел, что у нее очень добрая улыбка, и еще хотел сказать, что от нее пахнет — звездами, но постеснялся. Вместо этого я попросил:

— Давайте свет выключим и купе закроем! Огоньки видно будет.

Тетя Инна вскочила и глянула в окно:

— Ну, надо же! Оказывается, ночная дорога еще замечательнее.

— Да-а, — подхватил папка. — За все годы работы я и не додумался приглядеться — ведь ночью ехать красивей! Деревья облиты серебряной дымкой, скользит в облаках луна... Чудесно! — и он зачем-то придвинулся к тете Инне и положил руку ей на плечо.

— Без меня б ни в жисть не догадались, как на дорогу глядеть нужно! — похвалился я.

Папка спросил:

— Ну, нравится тебе в поезде, Дима?

— У-у-у!.. Еще бы! Жалко, ты не умеешь созвездия объяснять...

— Я умею, — отозвалась тетя Инна. — Что тебе показать?

— Мама как-то рассказывала про такого... Персея... У него еще ботинки крылатые были! Знаете? Вначале он принцессу от динозавра спас, а потом попал на небо. Покажи мне его!

— Это очень красивый древнегреческий миф, — начала тетя Инна: — Смелый юноша Персей, получив от бога-посланника Гермеса крылатые

сандалии, отправился совершать великий подвиг: он должен был обезглавить зловредную Горгону Медузу, от единого взгляда на которую любой превращался в камень... — голос ее звучал торжественно, было интересно и немножко страшно.

— Дима, ну зачем ты врешь?! — перебил папка. — Никакая не мамка, а мультик ты по телевизору смотрел!

— Ну, и чего? И чего?! — огрызнулся я. — И не надо рассказывать — и так знаю!

Тетя Инна вздохнула:

— А потом, когда цари Персей и Андромеда умерли, боги решили наградить их, даровав вечную жизнь в памяти людей: они стали созвездиями, — она притянула меня поближе к окошку: — Андромеда — вон тот треугольник из звезд. Видишь? А Персей...

— Вижу, вижу! — закричал я. — Человекечек! У него одна нога поднята! Он как будто бежит и ее за собой тащит.

Тетя Инна старательно вглядывалась по направлению моего пальца:

— Да. Пожалуй, это действительно Персей.

— Не слабо, папка, а? Я Персея нашел — са-ам!..

— А вот ты все испортил, — повернулась к нему тетя Инна.

Все долго молчали, разглядывая созвездия. Казалось, Персей в своих крылатых ботинках торопится за нашим поездом и тянет за руку Андромеду с длинными развевающимися волосами...

Тут я вспомнил одно свое недавнее открытие:

— А вы знаете, тетя Инна, сколько продолжается ночь?

— Ну-у, по-разному... Это зависит от времени года.

— А вот и нет! — засмеялся я. — Ночи совсем не бывает — ну, почти совсем! Очень просто: до двенадцати часов считается вечер вчера. Правильно?

— Пожалуй, — кивнула она.

— А потом идет первый час, второй, третий, но это уже нового дня, начинается утро завтра, так? Значит, ночи-то почти что и нет — разве только какие-нибудь одна-две минуты!

Тетя Инна поглядела на меня с уважением:

— Слушай, а ведь ты абсолютно прав! Никогда не задумывалась... Странно! Оно ведь так и получается. Как поэтично ты придумал!

Папка расцвел до ушей:

— Это у него в дедушку. Отец иногда такие стишки выдает — обалденно!

Тетя Инна понарошку зевнула:

— Ну, коль разговор к ночным темам перешел, может, спать нам с тобой пора, а папке — дежурить?

Я чуть-чуть поупрямился — не помогло. Вскоре тетя Инна уже укладывала меня в двухместке на нижней полке, подоткнула одеяло под матрац, ласково потрепала и поцеловала в щеку:

— Спи, зайка. Если вдруг страшно или не спится, оклихни меня, ладно? Я наверху.

* * *

Мне показалось, будто прошло всего минут несколько, когда папка ворвался в двухместку и стал тормошить нас обоих:

— Подъем, доброе утро, соньки мои дорогие! Приехали.

— Как приехали? К-куда? — я с трудом разлепил ресницы.

Рыжеватые лучи солнца пробивались в каждую щель. Было очень тихо. Нас уже не трясло и не качало — наверное, поезд стоял. Тетя Инна свесила лохматую голову с верхней полки:

— Привет, зайчонок! С добрым утром, Игорь! Ну, че? Собираемся и пошли шататься?

Я выпрыгнул из-под одеяла:

— В замок, в замок! Обещали в настоящий замок меня повезти!

Когда вышли в город, я удивился: единственное большое здание — вокзал! Окны огромные, двери стеклянные... внутри два иностранных магазина и потрясно форменные пограничники и таможенники — куда ни плюнь. Остальные домики — ма-алюсенькие, — прям как у бабушки с бабушкой в деревне — только грязь почему-то нету!.. Улицы кривые и узкие. А еще — граница называется!..

Я заметил лоток с разными сладостями и тут же потянул папку за рукав:

— Давай жвачки купим.

— Ой, а у меня мелочи-то совсем нет! — он прошелся по всем карманам. — Надо бы валюту поменять.

— Оставь, я куплю. С прошлой поездки кое-что в кошельке завалылось, — тетя Инна поспешила за мной к лотку. — Ну? Какие тебе и сколько?

Перерыв всю коробку, я набрал по одной разных видов. Продавщица, немолодая и толстая тетка, пересчитала жвачки и удивилась:

— Аж десять штук! С вас гривна и пять копеек за коробочку. Ну, и балуют тебя сегодня, мальчик! — она оглядела тетю Инну: — Это чего ж — сестричка твоя?

Я покосился на тетю Инну, потом на любопытствующую продавщицу, не соображая, чего отвечать.

— Да нет, — подошел к нам папка. — Мама!

Тетя Инна резко обернулась и чуть не сбила продавщицын столик. Я сгрел жвачки в карман курточки и, переглянувшись с папкой, покрутил пальцем у виска:

— Ты че? Одна ж есть уже.

Он замямлил:

— Э-э-э... Димочка... Может, помнишь, давно как-то мы с тобой говорили — ну, что я с твоей мамой характером не сошелся, живется нам

невесело, опять же и ей на тебя наплевать... Ну, и ты не возражал бы, если бы мы стали жить у другой мамы?

— А с той ты развестись хочешь, да? — догадался я.

Тетя Инна совсем не в жилу прыснула:

— Ни фиги себе — познания у ребенка! Неплохо для девяти-то лет!

Папка осуждающе взглянул на нее, но решил приставать ко мне и дальше:

— Я вообще хотел бы, чтоб твоей мамой — совсем по-настоящему! — стала тетя Инна. Она добрая, умная, не пьет почти... Ты не против?

Я задумался, усердно пересыпая в кармане жвачки. Потом, как делает папка — по-солидному, махнул рукой:

— Ла-а-а-а-а-дно... Если хорошо относиться будет. И всё покупать!

* * *

Раздолбанный «москвич-сороковуха» увозил нас троих в сторону гор. Обошлось это путешествие — с договором на обратку — в сорок баксов. Не кисло, правда? Я-то сразу оценил, что у новой мамки нормально с бабками.

Я занимался вкладышами своих жвачек, а она, согнувшись к переднему сиденью, трепалась с папкой:

— Знаешь, Игорь, а ведь это — самый счастливый день в моей жизни, пожалуй...

Даже осеннее небо усмехалось ласковым солнышком!.. Одну за другой проезжали мы деревни со странными островерхими церквями. Возле каждой тусовались нарядные люди.

— Это и есть замок? — спрашивал я, указывая на всякую новую церквушку.

— Да нет! У них здесь просто вера немного другая, потому и выглядят все непривычно, — объясняла тетя Инна. — Такой храм называется по-ихнему — костел.

— Костер? — переспросил я. — Во дураки смешные! Церковь костром обзывать... Додумались!

Все, даже и наш водитель, засмеялись.

— Л! Не «костер», а «кос-тел», — поправил он. — Сегодня у нас великий праздник — день святого Димитрия-Победоносца.

Тетя Инна всплеснула руками:

— Как угадали приехать! Ну, Димка, сегодня — твой день. Всё для тебя. Потому, наверное, и тепло по-летнему?

— Ну, держитесь! Я вам назаказываю! — стало весело — я аж заплясал на сиденье.

Ветерок из приоткрытого окошка раздувал волосы. Курточку я давно сбросил, и теперь купленная папкой навыворот майка упрямо вылезала из джинсов.

— Точно Иванушка-дурачок! — рассмеялась, показывая на меня, тетя Инна.

— Мой ребенок тебе не дурачок! — сердито оборвал папка. — В крайнем случае — Иванушка-интернэйшнл!..

Я покосился на нее — то-то, знай наших!

— Смотрите! — воскликнул вдруг водитель. — Замок.

На высоченной горе стоял настоящий рыцарский замок — точно с картинки из учебника по истории!.. Самые высокие башенки его — в голубоватой дымке: наверное, облако прилегло отдохнуть? Замок смотрелся угрожающе и напоминал воронье гнездо. Мы молча разглядывали эту громадину, и тетя Инна завредничала:

— Как хотите, но я в такую крутизну на своих двоих не полезу!

— Дорога поднимается до самых ворот, — заверил водитель. — И я с удовольствием погуляю там вместе с вами. Всю жизнь, можно сказать, в сих краях обретаюсь, а этого чуда вблизи не видел!

Дорога шла не прямо, а кругами. Машина двигалась тяжело, и даже было страшно, что может покатиться вниз, если тормоза откажут!.. По обочине тянулась полуразрушенная стена из валунов, обросших мхом. По глинистому склону вились заросли с гроздьями черных волчьих ягод.

— Наверняка гора насыпана рукотворно, — вздохнула тетя Инна. — Сколько жизней!..

— Да, — отозвался водитель, — рыцари жили на костях!..

Доски моста заскрипели под тяжестью машины. Водитель покрутил головой:

— Ненадежно!..

Я придвинулся к тете Инне и тоже взглянул вниз: под нами был ров — такой глубины, какого я в жизни не видел! На дне вода перемешалась с грязью.

— Много веков назад этот мост с устрашающим лязгом и скрежетом подымался или опускался на цепях, — предположила тетя Инна, — а ров был полон воды.

— Да, — подхватил водитель, — замок считался неприступным.

Мы прошли в маленькую калитку возле ворот и очутились за розовой стеной. Папка заметил, что развалины только начали реставрировать и еще не успели испортить величественного зрелища древности. Эхо наших голосов жутковато разносилось под низкими сводчатыми потолками. И вообще я понял, что внутренность замка сильно напоминает кадры «ужастиков» — здесь и Дракулу можно было б поселить! Комнат или — так правильнее! — залов в замке было немного, и все такие маленькие — гораздо меньше маминой комнаты, где телевизор стоит. Еще там была внутренняя площадь, мощенная булыжником и неровная: с наклоном вниз — к воротам. Булыжник во многих местах выковырян и валется кучами. А вокруг площади — много столбов под одной крышей. Тетя Инна

объяснила, что это называется — галерея. Зато сколько подземелий с решетками, помятыми и полуоторванными, но прутья толстые — ни фига не распилишь! Я-то сразу догадался, что это — тюремные камеры. И, наверное, нарочно сделаны такие маленькие — человеку с трудом развернуться: для пушного наказания!

— Пахнет пылью. Вековой, — прошептала тетя Инна.

— Не-а, крысами, — фыркнул я.

— Смотрите, в замке всегда была своя вода! — папа показывал на громадный колодец с полуразвалившимся деревянным колесом в глухом углу площади.

— Как раз в человеческий рост колесико! — поморщился наш водитель.

— В нем бегали люди, взятые в плен на войне, словом — рабы, — пояснила для меня тетя Инна. — Надсмотрщики подгоняли их бичами. А владелец замка, его воины и домочадцы никогда не страдали от недостатка свежей воды! А в темницах томились несчастные узники — должен же кто-то обслуживать всю эту ненасытную роскошь!

Замок и впрямь смотрелся богатым.

— А сейчас кто в нем хозяин? — спросил я.

Папка развел руками, показывая на покосившиеся стены и разваленные ступени:

— Никто, как видишь.

— Точнее: государство вильна Украина! — прикололся водитель.

Я пролез в бойницу и выглянул наружу: у подножия замковой горы как на ладони — поселок, вдаль — покрытые лесом горы, орел или сокол парил прямо рядом со мною:

— Красо-та-а-а!

Тетя Инна придерживала меня за маечный хвост:

— Ты самое интересненькое-то и проглядел!

Я живо обернулся: под ногами виднелись стесанные узкие ступени, ведущие куда-то вниз — во тьму:

— Полезем? Или — как?

— Запросто! — она прищурилась на меня. — Если не струсил!

А вот папка почему-то разозлился:

— Не смей дразнить моего сына! Ты!

— Даже если это на пользу? — вредным голосом переспросила она.

— Ну, не ругайтесь! Пошли, — мне не терпелось, но все-таки было страшновато.

Тетя Инна щелкнула зажигалкой и стала осторожно спускаться, придерживаясь другой рукой за осклизлую стену:

— Держись крепче за мою куртку, Дима! Но если я упаду — отцепляйся!

Крошечный синеватый огонек рывками продвигался вниз. Пахло лежалым дерьмом. Я не мог разглядеть даже своих рук и все время спотыкался. Вдобавок я понял, что остальные не пошли за нами, когда услышал папкино:

— Да ну их! Еще костюм уделаю...

Стало жутко. Я потянул тетю Инну за куртку:

— А если..?

— Я тебе дам «если»! Ты мужчина или кто?! Я же почему-то не боюсь.

— Ка-анешно, — обиделся я. — Ты вон здоровая. Как кобыла!

Она промолчала. Потом приглушенно рассмеялась.

И все-таки она мне не нравилась!.. Подлизала! Сладеньким голоском говорит и со мной, и с папкой, а выходит — как будто я все время всем мешаюсь, как в игре — лишний! Обидно ведь, так?! Приходилось терпеть: я-то знаю, что бывает, если не поладишь с папкиными друзьями!..

Мы сделали еще пару шагов. Под ногами как будто шевелилось что-то мокрое, мерзкое и... живое. Тьма понемногу рассеивалась, и мы очутились в маленькой комнатке с очень низким потолком — так, что тетя Инна стояла пригнувшись, — и единственным зарешеченным окошком. В другом углу проступала каменная фигура с отбитым лицом и за нею старинная дверь. Тетя Инна потянула за чугунное кольцо-ручку, но дверь не подавалась. Я присел на выступ у окна:

— Все эти рыцари вправду были?

— А ты сам не видишь? — пожалала плечами тетя Инна. — Кто ж тут мог жить, если не они?!

— И Робин Гуд тоже был настоящий?

— Конечно! А разве тебе не показалось бы несправедливым, что несколько таких вот, — она оглядела комнатку, — кровососов богатеют и держат в страхе всю округу, когда нормальным простым людям порой нечего есть? Разве ты не захотел бы помочь беднякам?

Чтобы ответить честно, я старательно подумал:

— Не-е знаю. Робин Гудом я хочу быть. А помогать кому-то — на фиг?

Тетя Инна покачала головой:

— Странно! Я в твои годы уже понимала, кто такой Робин Гуд...

— Че неясного? Разбойник, здорово из лука стрелял!

Когда вылезли на площадь, я предложил папке поиграть в Робин Гуда. Он посоветовал напрямьч на эту тему тетю Инну:

— Она помоложе меня — ей сподручней носиться с тобой!

А мне с ней играть не очень хотелось! Интересней выяснить — а выдержит ли эта новая мамка все мои прикольчики и погоняла для взрослых?

Бегая по развалинам, я провалился в подпол с водой, а она расшибла коленку. Папка сказал, что это — безобразие, и уже собрался дать мне по шее. Я потребовал:

— Эй, ты! Хватит коленку тереть — заступись за меня!

Тогда она подошла к папке, обняла его за шею и стала шептать в ухо. Уж это вообще наглость — такого даже старая мамка себе не позволяет!..

* * *

В машине мне стало скучно: деревни проезжались одни и те же, вдобавок трясло и было жарко. Я попробовал корчить рожи, но никто не смеялся. Тогда я решил слазить в нос, чем всегда дома развлекаюсь, когда одному сидеть приходится. Козявки бывают интересные, разной формы и соловатовые на вкус. И дышать сразу легче! Тетя Инна шлепнула меня по руке:

— Перестань!

— Подумаешь... У меня насморк — вечный.

Она сдвинула брови:

— Я кому говорю, Дима?!

— Чего она привязалась? — пожаловался я папке. — Мне, между прочим, даже ты замечаний не делаешь!

Папка поморщился:

— В самом деле, Инна. Не тебе его воспитанием заниматься!..

Она разозлилась и отвернулась к окну.

— Не слабо получила, ага?! — поддразнил я. — Папка меня лю-у-бит!..

— Да, подкузьмить ты можешь изрядно, — согласилась она. — Только вот умеешь ли что-нибудь кроме?

— Сколько раз тебе говорить?! Ему просто не везет, — вступился папка. — Это не в природе.

Тетя Инна развела руками:

— Да Бога ради, Игорь!

Я немножко полюбовался на свою пятидесятирублевку, прикидывая, что бы здесь купить. Вспомнил, что папке командировочные дают в долларах, и стал выпрашивать:

— Па-ап, дай один — для коллекции!.. А лучше — десятку!

Ныть пришлось недолго. Видимо, я настолько достал тетю Инну, что она раскошелилась аж на двадцать — только отвяжись, мол! И правильно: денег-то у нее наверняка побольше, чем у папки. «Челноки» — они все богатенькие!

* * *

Первый раз в жизни я сидел в ресторане. Папка сказал — и последний, если тете Инне нравиться не научусь. На столе — обалденно красиво и, что совсем потрясно, взрослые не заставляют лопать. Наверно, скандала боятся, хотя людей вокруг не так уж много. В ресторане мне понравилось — все сразу принимают нас за крутых. И в школе теперь есть чем Вадику хавалку заткнуть: его, конечно, каждую неделю в «Макдоналдс» водят, но я-то — в настоящем взрослом месте побывал и, к тому же, за границей!..

Для меня заказали газводу, пирожные и два банана. Я со всем этим, конечно, управился на раз-два, а когда пластиковая бутылка опустела, —

начал ею папку с тетей Инной по лбам лупить. У нас в школе все от этого прикальваются!

— Дима, ты с ума сошел? Больно же! — взъелась тетя Инна.

С непривычки, наверное? Папка-то закаленный — смеется только да увертывается. Я ему, бывает, и шишку набью — ничего. А эта — опять:

— Перестань, Дима! Я такие игры не признаю.

Ну, папка ее вразумляет:

— Инна, — говорит, — понимаешь, он же ребенок. К тому же мальчик.

А я-то снова — тресь, тресь ей по башке!

Она еще минутку потерпела и психанула: вскакивает со стула, хватя меня в охапку и давай щекотать. Приговаривает:

— Небось, привык, что взрослые прощают и сдачи не дают?! А ну-ка я с тобой поиграю...

Щекотка, конечно, не больно. Да только я не люблю и боюсь, когда большие возиться начинают. Что я ей — котенок, что ли? — мучить! Самому-то куда веселей, как мамка — настоящая! — говорит — «на нёврах играть». Вырываюсь, чуть со стула не падаю, ору:

— Па-а-ап! Меня мучают!

А он — вот гад! — мину строгую сделал:

— С тобой играют, Дима. И вобще: это — педагогический прием.

Но мне-то — обидно и смешно, и так и хочется приемчиком в рожу ей двинуть! И черт с ее баксами! И отдать можно, если потребует!..

Ну, я когда почувал, что в рожу — не получается, надумал другой приемчик — любименький! — применить. Даже папка его ох как боится!.. Набрал побольше воздуха и ка-ак завизжу:

— Спаси-ите-е! Убивают!!!

Все люди, конечно, сразу всполошились, разглядывать нас стали — пока, правда, издали. Даже повар из боковой двери выглянул. А эта вздрогнула и со стулом вместе меня выпустила. И — тишина-а... А потом спокойно так — до ужаса! — спросила:

— Ты что — совсем дурак?

Минут несколько так и прошло. Я вообще даже не знал — радоваться надо или пора слезу пускать? Люди все вроде успокоились и в тарелки свои вернулись. Тем временем папка за меня возбужать начал:

— Да как ты можешь? Да — моего ребенка обижать? Да — я с тобой и разговаривать больше не стану, если тут же извинения у него не попросишь!

Она плечами пожала и спрашивает:

— У кого?

Тут папка совсем заматерился. А она тихонько встала и — к выходу, и счет нам самим оплачивать удружила. У бедного папки едва командировочных хватил!..

На улицу вышли, он оглядывается и дергается на каждую тетку. Я утешаю:

— Не, она сейчас точно в вагоны пошла. Не расстраивайся: счас придем и та-а-кое устроим ей! Ну, помнишь, как той мамке, — до истерики?! Я-то мигом на папку ориентируюсь!.. А он идет и только сигареты одну от другой прикуривает.

— Ладно, — бормочет, — ла-а-дно...

* * *

Не успели мы как следует настроиться и до поезда дойти, как орут навстречу:

— Привет, Игорек! — папке моему два мужика — молодой и почти дед: — На каком же вагоне ты едешь, что до сих пор не видались?

Папка с ними рукопожимается — значит, друзья.

— Тринадцатый, — и на меня показывает. — Это я своего сына взял — Димку. Хорошо? Дима, а это проводники с нашего состава — дядя Саша и дядя Миша.

Молодой, который Саша, и говорит:

— А у нас бутылка есть — во! У его, — на деда кивает, — день рождения или еще чего... Семеньч, какой у те нынче праздник?

Дед ухмыляется — гордо:

— Десять лет разводу!

— Ну-у, — соглашается папка, — это повод! Пошли, что ль, ко мне, отметим — заодно и за встречу чокнемся?!

— Э-э-э... — сомневается дед. — Хорошо бы. Да вот пацанчик... Как при ем-то? Неудобно!

Папка смеется:

— Не тормози, Семеньч! Он у меня привыкши — и не такое повидал! Правда, Димка? Можно ведь папке рюмочку выпить — с расстройства, а?

— Да-а, а потом опять драться бу-у-дешь... И там ведь мамка сидит... Ну-у, эта — твоя!

Вообще-то я сразу понимаю, когда ничего не поделаешь. Потому что папку уже понесло:

— Да и дьявол с ней! Хочет, пусть с нами гуляет, а не по душе — пускай вообще убирается: все равно билета у нее нету! Я-таки проводник, и моя воля: захотел — пригрел, не захотел — и подальше отправил! А насчет драки не боись — ребята спокойные, старые друзья.

Я на всякий случай перед дедом плечи расправил:

— Между прочим, мне во всем участвовать можно! В школе вообще разбойником зовут, а еще чаще — проводничий сын!

— Ну, а раз так, — развеселился Саша, — мы, пожалуй, еще Эдика с пятого вагона позовем. И напарника его — приличия ради! Баб приглашать не будем — больно много жрут, разорят, стервы! Да и визгу наслушаешься!..

— Ну их! — согласился папка. — Там уж сидит одна... Задрыга!

Большие компашки мне нравятся: то с одним поиграешь, то к другому поприсаешь. Никто замечаний делать даже не пытается — лишь бы квазить не мешал!..

Началось классно: только мы все гуртом пришли, расселись, — тетя Инна улыгнулась, поздоровалась со всеми и спрашивает:

— Отметить чего решили, а, ребят? Стол делать, что ли?

И никакого скандала, культурно — как папка говорит. Та мамка давно бы уж разоралась, что денег нет — ораву такую кормить. А эта только попросила:

— Раз я — единственная женщина среди вас, закуски, конечно, мне и резать. Помогите кто-нибудь по тарелкам раскладывать!.. — и на папку смотрит просительно.

Папка меня в бок толкает и вполголоса:

— Чересчур жирно будет!

Тут дядя Эдик сам вызвался. И так у них дружно заполучалось, что стол в первом купе как по волшебству вмиг украсился тарелочками с ветчиной, рыбой, зеленым горошком, котлетами. Даже места не хватило — что-то пришлось на верхнюю полку ставить. Тетя Инна на всю эту красоту полюбовалась и спрашивает:

— Ну, как, ребят, хорошо у меня получилось?

У всех рты до ушей:

— Прекрасно!

Я на папку поглядел — надутый сидит — и говорю со злостью:

— Плохо! Да, пап?

У него так челюсть и отпала — удивился на меня, значит. А дедок, которого все Семеньчем звали, препротивно на меня выверился:

— Раз не нравится, мальчик, нечего и за столом тебе делать — чужое место занимать!

— Не ваше дело! — обиделся я. — Заткнись, дурак!

С тетей Инной истерика началась, как у старой мамки часто бывает:

— Нет, ну это надо ж! Даже ребенка — и то людей травить приучил!

Эдик ее в плечо к себе уткнул — утешает, значит. Остальные поглядели, покачали головами и стали спокойненько пить и жрать — мол, надоест дурить, присоединяйтесь. Тут и папка два стакана без закуси хлопнул.

— Эй, ты! — Эдику командует. — Отпускай мою девушку! Утешил. И вобщем — почему это ты с ней рядом сидишь?

Тот возбуждает в ответ:

— Очумел?! Не видишь, что с своим щенком вместе до слез человека довел?!

Папка разошелся:

— Таких сук до смерти доводить нужно! Нечего им на нашей земле делать! Эй, Дима! Ну-ка скажи этой тете — «дерьмо», «ты — дерьмо». Да-да, громко скажи. «Жидовка» — можешь добавить.

Мужики загудели:

— Эй-эй-эй, нечего женчин в нашем присутствии оскорблять! Которые нам жрать готовят.

— А вы кто такие будете? — отреагировал папка. — Убирайтесь с моего вагона! И ты, шалава, с ними!

— Вот и мамка так ее называла, — вспомнил я.

— Ишь, развыступался! — озверели мужики. — А водку нашу кто пил? А теперь — убирайтесь?!

Я увидел, что папке возразить нечего, и ка-ак заору:

— Ты — дерьмо, шалава, сволочь жирная!!!

— Правильно! Молодец! — похвалил папка. — Бей ее! Ударь ее сильнее, Дима, ногой, не бойся!

А она вдруг поднялась, слезы с соплями вытерла и спрашивает:

— Это — за что ж? За то, что в замок на мои деньги ездили, едите все это, мною купленное, с огромным удовольствием да еще и нервы всю поездку безнаказанно треплете?!

Дрожащей рукой папка плеснул себе в стакан и залпом осушил его:

— Я тебя назад не повезу! Собирай вещички и в кассу — за билетом!

— Приходи, со мной поедешь, — вступился дядя Эдик. — Я тебя, Инночка, забесплатно возьму.

И остальные поддержали:

— И я!

— И я...

— К нам приходи лучше!..

— Да как вы смеете, кобели?! Я, я первый ее отыскал и возил все время! — папка размахивал кулаками, отчего тарелки и стаканы летели во все стороны.

— Эй-эй-эй, веди-то себя поприличней! — осадил мужики. — Кто-то вон даже не доел еще, а ты — на пол.

Дедок явно их подзуживал:

— Значит, говоришь, Игорь, все время девушку возил? И сколько ж ты за багаж с нее брал? Двадцать баксов с тюка или больше?..

Этого уже мой папка вытерпеть не мог и тут же полез бить ему морду.

— Не дадим деда в обиду! — зарычали остальные, накидываясь на папку. — У нас у самих отцы есть!..

Я испугался, что они осият, и кинулся на помощь:

— Отпустите папку, вы! Гады!

Я изо всех сил старался побольней попадать кулаками и ботинками по спинам, по задам и даже по ногам. Но взрослые ведь, сволочи, такие здоровые — не пробьешь!.. Никто не замечал даже! Вдобавок из кучи вылез дед, отряхнулся, ухмыльнулся на меня и, выйдя в коридор, закурил. Глотая слезы, я вцепился в тетю Инну:

— Помоги!!!

Она издевательски пожала плечами:

— Зачем? И... — добавила, — кому?

Никогда в жизни мне еще не было так страшно! Почудилось, что поезд набирает ход...

— Отпустите папку! — завопил я. — А то сейчас прямо с поезда прыгну! Вас за это в тюрьму посадят!

Кто-то резко обернулся ко мне и вдруг рассмеялся:

— Н-ничего себе! Истинно — проводничий сын...

А потом все как-то незаметно и быстро разбрелись. Папка, сидя на полу, подтирал кровь с разбитой губы. Я присел на корточки и заглянул ему в лицо:

— Тебе не очень больно, пап?

Бессмысленно уставившись, он разглядывал меня несколько минут, потом глаза у него сделались совсем бешеные:

— Все из-за тебя, дрянь, свиненок! Ну-у, теперь-то меня и стопарем не заманишь к тебе и твоей мамке!.. — и со всей силы отшвырнул меня прочь, — совсем, как он пинает дома Рокки.

— Да-а, плохо, когда ребенок — подлый... — сочувственно прошептала тетя Инна, забросила на плечо свою дорожную сумку и двинулась к выходу: — Ну, пока. Пойду в кассе билет брать.

А дед Семеныч почему-то перестал ухмыляться и курить, а вздохнул с натугой:

— О-ох, недаром, недаром люди говорят, что Бог и дьявол за одним столом бутылку распивают!..

ИНТЕРВЬЮ СМЕРТНИКА

Толчя и жара на Пятницкой.

— Девушка, я не могу вас пропустить!

— Я на работу спешу. У меня деловая встреча.

Его руки опускаются, но он по-прежнему загораживает мне путь. Со своим джипом Рајего вместе! Типичный бандюк. Но глаза: умные, страдающие. Взгляд раненого зверя.

— Можно я дам тебе свой номер?

— Как тебя зовут? — спрашиваю, потому что всем существом он подает сигнал SOS. А это я улавливаю моментально. SOS — уже давно мои позывные.

— Саша, — будто сообщает мне давно известное.

— О'кеу, Саш, я смотрю: у тебя джип...

Прерывает:

— Давай подвезу.

Очень просто и с готовностью.

— Я, видишь ли, журналист. Сейчас как раз состоится встреча, где будет определяться, сколько я стою...

Его коробит.

— Нет, — усмехаюсь, — девушка по вызову — не подсобная профессия для меня! Речь идет о заказных интервью с нашими артистами. Встречаюсь в кафешке с пресс-агентом Media-Star.

Саша деловито кивает. И вот уже джип осторожно пробирается сквозь пеструю пышущую июльским жаром толпу.

— Это добавит нужной крутизны, — резиново улыбаюсь.

— Я знаю, что это за дерьмо! — сообщает он почти радостно. — Я так плохо себя чувствую, может, скоро сдохну. Но ты мне очень нравишься.

— Здорово, что говоришь об этом.

— Правда? — но он мне верит.

Бандюк, который пытается не верить никому на свете.

— Я моложе тебя? Ты ведь не будешь этим унижать?

— Мне двадцать шесть.

— Мне уже... ну, очень скоро — двадцать пять. Но ведь молодое мясо — всегда в цене! — он пытается быть циничным, но я-то слышу позывные SOS — смертельная боль и снова взгляд раненого зверя.

Холодок по спине. Он доверяет мне. Только просит:

— Ты не пиши обо мне, потому что я плохой!

— Мне хватает писанины о Моисееве...

— А-а-а! У которого голос, что в заднице волос: тонок и нечист.

Я, которая мечтала быть писателем, которую сделали журналюгой самого низшего уровня — обслугой шоу-бизнеса, которая разучилась смеяться, я на миг возвращаюсь в себя:

— Ха-ха-ха! Мне нравится эта феня!

Саша наблюдает реакцию и очень доволен.

А вот и пресс-агент в дверях кафешки, у которой мы припарковались. Я подаю знак Саше. Он — встревоженно:

— Она видела тебя? Точно?

— Да. Все в порядке.

Трогателен столь ответственный подход к чужому делу.

* * *

Он звонит вечером:

— Едем купаться? Мне по-прежнему плохо, но поедем.

— А что с тобой?

— Наркота. Вчера. Боишься?

— Нет.

— Можно вопрос? Что у тебя, интеллектуальной и целеустремленной, со мной общего?

Задумываюсь — как всегда, когда хочу ответить максимально честно:

— Мне интересны разные люди. Я просто люблю их.

— Неужели мало сделали дерьма?

— О-о-о, куча огромна! Но я стараюсь не замечать ее аромата.

— Ты не волнуйся. Я в состоянии вести машину.

Это впечатляет. Человек столь маленький по возрасту да, к тому же, бандюк — наделен чувством ответственности за свои слова и действия.

— Кстати, спасибо, мне очень помог твой джип — дали максимальную цену.

Его приятеля, обыкновенно тупорылого во всех отношениях, я уже видела на Пятницкой. В машине еще и девчонка — очаровательная куколка и омерзительная стервочка в одном лице. Увидев меня, испытывает приступ ярости. И рвется ее выразить. Но увы: я молчу. За исключением незначущих фраз.

Первый же пост — наш. Осматривают и обыскивают. Беспроигрышное журналистское удостоверение заставляет гаишников лишь придиричливее оглядывать меня.

— Потому что с бандюками едем, — объясняет Светочка.

Киваю. И она злится еще больше.

— Меня в больничку на тестирование, — безразлично сообщает Саша. — Славик, отгони машину.

Он не просит и не ждет помощи.

— Да, чуть копнут — и с этой машиной мне уже не встретиться... Да, впрочем, и со мной тоже.

Словом, нужны баксы. Светочка пытается почерпнуть их у меня, но, видите ли, я глубоко убеждена, что такие девочки существуют именно для того, чтобы зарабатывать собой и отдавать за других. И мое убеждение в который раз подтверждается... Сотка решает дело. Мы снова в пути.

— Не расстраивайся, — осторожно и тихонько говорю Саше.

— Ну, что, журналистка, испугалась?

— Думаю, как рассчитаться с ментами хлесткой заметкой.

— Не надо! — шумят все. — Это ведь закон жизни. Напишешь — и хуже будет!

— Что ж? Я работаю для общественности — следовательно, мнение — закон для меня!

— И ментам надо жить, и нам, — резонирует Славик. — У них же семьи, дети.

Саша встревоженно раскрывает глаза (не голубые, не серые — какие-то сиреневые; это я на Пятницкой еще заметила, сейчас-то в машине темно):

— Да они правы. Только не должны денег брать. А вдруг я столкнусь с кем-то или человека собью? Всех нас угроблю? Меня-то не жалко: знал, на что шел — за руль и под кайфом!

— Ты купальник взяла? — интересуется Светочка.

— По ситуации, — ехидничаю.

Она теряет, и ей страшно:

— А я в белье плавать буду.

Саша ведет осторожно, явно не доверяя себе. Свежий ветер мечется по салону джипа. Временами Саша взглядывает на меня. Он бы рад просто ехать вот так — молча, да приходится поддерживать коммуникабельность, обмениваясь плоскими шуточками со Славиком и Светочкой. Чтобы не упасть в глазах друзей. Мне проще: не заинтересована вставать или падать — стремлюсь по возможности сохранять инкогнито души. Они — типичные. Потому не интересны.

* * *

Карьер напонимает лужу нефти. В черной ленивой воде не отражаются звезды. На берегу много машин. Народ купается, но пока все весьма по-светски.

— Пойдем, — Саша протягивает мне руку.

Песок шелковистый. А рука холодная. Как у меня.

— Я совсем заблудился. Я бегу. Хотел бы остановиться. Не может. И не хочется. У меня безумная жизнь.

— Сейчас редко у кого она разумная, Саш.

Он слегка напрягается:

— У тебя никогда не бывает ощущения чужой?

— Не только миру, в котором я кручусь, но и планете всей. Даже Вселенной!

Мы одного почти роста, что позволяет двигаться слаженно — будто по Земле проходят два сильных и гордых зверя.

— Понимаешь, Саш, я, наверное, родилась писателем. Но мои стихи и рассказы, которые все очень запоминают и хвалят, в реальности оказываются никому не нужны. Спрос всегда велик — на словесный понос о звездистостях. А я так устала писать дерьмо. Настолько не вижу в этом смысла, что часто ощущаю потерянность... Тогда я гуляю. Чтобы снова влюбиться в жизнь. А потом — пишу...

— Неправда! Людям-то как раз нужны хорошие рассказы и стихи. Ты же знаешь, как все любят почитать на ночь! Это политика такая проводится и в прессе, и на телевидении. Не удивляйся, у меня отчим на одном из престижных каналов зам. директора. Политика: душище одаренных людей, заставляя заниматься дерьмом.

— К нашей теме я однажды стишок сочинила. «Чужая».

— Прочитай?!

— А ты уверен, что хочешь?

— Не просил бы!

Негромко, буднично, отнюдь не проникновенно я начинаю:

— Невыносимо грустно! До того,

Что кровь остановилась в жилах.

Полнолуния поздний моцион -

Это зрелище для чужих.

Чужая: не людям — Вселенной!

У каждого — своя дорога в ад.

«Чужой» — приговор неизменный

Любому, кто не виноват.

Чужой — невыносимо скучно,

Даже если нужна всем!

Но рождена непослушной,

Невписавшейся в тысячи схем...

— Ой, Саш, не помню дальше!

Он смотрит осуждающе:

— Как же можно забывать собственные стихи?

— Их просто много. Да и кому нужны?! Хотя вот! Вспомнила:

— Остается бить стекла,

Воплями пугать птиц,
Листом замирать поблеклым,
Любить, не замечая лиц.
А если совсем уж тяжко,
Девушкой бандита стать...
Или — дурдом. Или — фляжка.
Или — тишину соблюдать! —

Что покамест меня и спасает! Кстати, просьба не проводить ассоциаций!

— Значит, я не один такой... — робко и радостно отзывается Саша.

— Иногда я думаю, что каждый в какой-то мере чужой. И все же обывательское большинство, не умеющее думать и чувствовать, кажется мне более счастливым.

— Ты хорошо плаваешь? — Саша первым замечает, что мы стоим у воды, и озеро, как сытый зверь, лениво лижет пальцы ног, не стремясь поглотить наши тела.

— Как рыба. С четырех лет. И спасательский минимум сдавала. Со мной безопасно!

— Я здорово плаваю. Только дышалки нет. У меня ведь туберкулез был. На зоне подхватил.

Напряженно ждет реакции. А я молчу, потому что знаю: и джип — сложнотугнанный — из машин, которые прошли через множество рук по всей России, и приятель мой новый, скорее всего, в розыске как разбойник и киллер, и Бог знает, кто еще... Но какая разница, когда человечек совсем юный столь отчаянно подает SOS? О-о-о, я-то знаю по опыту: нормальные люди глухи, считают это некоей странностью — не больше. Такие говорят на ином языке.

* * *

Встретившись все четверо на середине озера, начинаем выть. Луны нет. На звезды. Тоненько постукивает Светочка. Щенячьи переливы выдает Славик.

— Здорово я вою? — спрашивает меня Саша.

— Лучше всех.

— С душой.

— Ты боишься полнолуния?

— Завораживает. Я какой-то иной становлюсь. Неуправляемый. Как будто не до конца разумом способен контролировать себя, а кто-то извне — ведет. Тогда мне страшно.

— Ох, будто про меня рассказываешь!

— У меня был случай. Огромная луна. Над дорогой. Она притянула через глаза. И я ехал на этом самом джипе прямо на луну, понимаешь? Только я и она. Рассудок молил о жизни... А я не мог справиться с этим притяжением: в ночи в молчании мчался к луне... Не знаю, что спасло.

Вдруг я встряхнулся и смог отвести взгляд. Но инстинкт самосохранения молчал. Может, Бог?

— Ты ведь очень веришь в Бога?

Саша подплывает совсем близко, кладет руку на плечо:

— Да. И ты. Я знаю.

— Стараюсь не сомневаться и не враждовать с ним.

С разных сторон подходя к джипу, мы замечаем эротическую возню внутри. «Прикалываются», — соображаю и спокойно жду развязки. А Саша, резкий в движениях, успел приблизиться вплотную. Смущенно опускает голову. Шарахается.

— Ха-ха-ха! — полностью одетая Светочка спрыгивает с колен Славика. — Купился! Купился!

— Я отошел, чтоб не мешать, — сурово бурчит Саша.

Ему стыдно за свою доверчивость и внутреннюю чистоту. Нет, не на бандюка похож он — на воина. Но верно и то, что один в поле...

В пути Саша изо всех сил старается доказать себе и окружающим идентичность с ними. Мне больно и скучно наблюдать. Снова молчу, что, к сожалению, лишь прибавляет популярности. Они пересказывают мне все свои любимые приколы. Пошлые. Оттого — не менее детские.

— Поехали ко мне кофе пить! — приглашает Саша.

— Само собой! — отзывается парочка на заднем сиденье.

Мне наблюдений в общем-то довольно, да и усталость появилась (или отступила бессонница?):

— Меня высади у метро...

— Да время еще детское, — но послушно выкручивает руль.

— Ладно, поехали.

Саша расправляет плечи:

— Похож я на бандита и наркомана?

— Не очень.

— А это так!

— Не бравируй! — очень тихо, вспоминая уроки подруги-психолога, отзываюсь: — Разберемся...

Забавный район: между прокуратурой и монастырем. Монахи и менты, несмотря на весьма поздний час, так и спуют в переулочках. Лучшее местожительство для бандита!

Светочка решила сдружиться и мелет чушь без умолку.

— У тебя красивый цвет волос, — замечаю в ответ. — Удачно покрашены, — она сомневается, и приходится добавить: — Да-а, имей в виду: комплиментов я не говорю.

Разглядев Славику, прихожу в ужас: на редкость выпукло представлена в лице внутренняя пустота.

Вскоре они собираются по домам. Проводив, Саша заявляет:

— Жрать хочу!

И кормит меня треугольной яичницей и белой шоколадкой. Напряженные рассеиваются, и человечек возвращается в себя.

— Ты решила съехать ко мне, потому что я не настаивал?

— Не только. Поглядев в лица твоих друзей, прочла живейшую готовность поиздеваться над тобой, как только я хлопну дверцей джипа. Не хотелось отдавать на растерзание!

Его самолюбие, наверное, вопит от боли. Но он пораженно притихает.

— Не обижайся, пожалуйста! Прошу, — стараюсь вложить всю нежность.

— Я... Я ведь вчера убить их хотел. За то, что я не такой, не могу быть таким, понимаешь? Они даже испугались. Сильно. Я потом наркотой перебил...

Сорокалетние умудренные дамы любят повторять: «Мужчины — вечные мальчишки». Мне давно хочется добавить: «Особенно, воины и бандиты, между которыми сегодня стерлась четкая грань».

— Ты ненавидишь себя за то, что пытаешься думать и чувствовать, что у тебя есть идеалы, что ты — наивен и жуткий максималист, главное, за то, что давно понял — не перерастешь! Но зачем?

— Я не из этого времени. Знаешь, я, как динозавр в наступающем ледниковом периоде: я еще не умер, но мне уже о-о-очень холодно! — он пожевывается.

Невольно вздрагиваю:

— Видишь, ты не один такой... Понимаешь, на этой прекрасной планете, созданной Отцом, люди могут любить, смеяться, дружить, бродить по шелковистому песку, держась за руки... — не могу скрыть хрустально звякнувшего рыданья. — А они — не хотят! Кто богаче, тот и круче, вся жизнь между «клево» и «хреново»! Я задыхаюсь в этой придуманной ими жизни, как рыба, вынутая из своей стихии. Наверное, и ты — не из этого времени? Наверное, следовало родиться раньше?

— Какая умная!

— Я не умная, Саш. Чуткая. И ты — чуткий.

— Раньше... Но мы ведь знаем, что было раньше, по пересказам людей. Насколько они достоверны?

Ночь пышет жаром. Земля задыхается.

— Нет. Во мне словно два человека: нормальный и очень дрянной, жестокий. Но оба безумно хотят умереть. Я ищу, но кажется, Бог хранит — для новых заказных убийств!

— Да ты, как Печорин: являешься в финалах трагедий — в роли палача или судьи!

Саша задумывается:

— Да, пожалуй. Но я очень люблю Байрона.

— «Корсара»?

— В первую очередь.

Его история проста и пылает, как земля после знойного дня. До четвертого класса слабенький и всеми обижаемый мальчишка начинает заниматься боксом. Звереет не по дням, а по часам. Но светит сборная. Он ни разу не проигрывал. Один недостаток: легко набирает мышечную массу. И Сашка не ест, чтобы не выйти из весовой категории. Один из решающих боев вничью: уложив противника в нокдаун, он пошатнулся — голова закружилась от недоедания. Не увидев своей фамилии в списках, вместо просьбы обматюгал тренера. Из гордости. Отправился на улицу шпанить. Параллельно, благодаря связям отчима, высшие курсы банковского работника. Но «смерть в стенах банка» не состоялась: не смог проработать и полугода...

Потом — тяжелые статьи. Большая часть срока — в одиночке. Не подчиняется законам — ни бандитским, ни ментовским. Кличка «Беспредельщик». Три дурдома. Диагноз: «психопатия». Девять сотрясений мозга и перелом черепа. На выходе ждала работа: киллером. Начал в стае, да не ужился. Теперь существует по собственным законам и выполняет индивидуальные заказы. До времени.

— Я одного не могу понять: как это человеческая жизнь может стоять семь-восемь штук баксов? При одной мысли охватывает холодное бесшество...

— Как мне это знакомо! Пылающее, как огонь, оно выплескивается яростью и после изливается слезами. А это, ледяное, не проходит: стабильное желание крушить в прямом и переносном смысле... Потом — самоедство. А что делать с потребностью любви и дружбы? И ненависть к себе за то, что не можешь, не хочешь быть и жить обыкновенно, как все. Так ли?

Саша широко раскрывает сиреневые глаза:

— Боже! Ты — мое отражение. Я и не знал, что такой. Нет! Не хотел признаваться, — продолжает уже в лихорадке: — Когда только что было двое, и вдруг узнаешь, что ты один, один... Как больно!

— «Ну, зачем же драматизировать?» — скажут нормальные люди: «Человек должен жить стильно, выглядеть стильно: стильная работа, семья, стильные мозги и душа стильная... И все будет о'кеу!».

Он содрогается:

— Как омерзительно звучит «стильная душа»!

— Большинство моих коллег оценили бы это классное выражение, даже, наверное, сперли бы...

— Мы на одной частоте. Страшно! Знаешь, отчим давал мне шанс: но я задыхался среди стильных людей искусства, у которых изо рта воняет бездарностью, из ушей — снобизмом, из кармана — бабками... Я хотел сам, один! Лучше умереть, чем — как все!

Я рассказываю ему немного о себе, о своем видении мира. Оба хватаемся за головы: зеркальность. Двойники: одинаково мыслим, мечтаем, чувствуем.

— Иногда мне кажется, будто я живу в четырехмерном пространстве, а другие — в двухмерном... Как же общаться?

— Адаптировать свои мысли и чувства, Саш.

* * *

Вижу, что явно перенапрягла столь откровенным разговором хрупкого человечка. Мечется и едва не плачет.

Светает. За окнами проснулись птички: вороны.

Саша затихает в кресле. Наконец, едва слышно:

— Я хочу твоего совета. Наклеивается работа штук на восемь «гринна». Но после я должен буду исчезнуть навсегда. Во всяком случае, отсюда. Я ведь ничего кроме... не умею. Есть слабое утешение, что заказывают подонков и подонки...

— Несмотря ни на что, я хотела бы, чтобы Бог хранил тебя.

— Но я не вписываюсь... ни в одну из схем!

— Легче ли тебе оттого, что не один такой?

— Да. Нет. Урод с идеалами? Ненормальный? О, как страшно однажды постમેт увидеть себя в зеркале!

— В этом ты прав. И мне страшно. Но все-таки добью. Знаешь такой закон? Нереализованный дар губит человека. Притча о таланте. Помнишь? В тебе, по складу личности видно, есть какой-то талант...

— Талант убивать? Я его не нашел. Ты права, — он пытается иронизировать из последних сил, — в любом случае, мне одна дорога — в ад.

— Так не сворачивай!

Уже в полудреме Саша уютно сворачивается в кресле — устал, смертельно:

— Мысли, как волны моря. Одна за другой. Чуткая, ты их слышишь. Встретить двойника, бывает, что и к смерти... Нет! Завтра нужно все забыть и не встречаться более!..

* * *

Мой новый друг бандит спит, как ребенок, в своем кресле. Улыбаясь. Ему легче. Я разглядываю страшные шрамы на его руках и ногах — следы пыток. И вспоминаю надтреснутое: «Моя душа — обгорелые руины. Я брожу там и пытаюсь что-то живое найти. Но не могу. Мне кажется, что живу уже много сотен лет. Я так устал. А смерти все нет... И я становлюсь все злее, все гаже; хотел бы спросить: ну, почему нельзя уйти не окончательно грязным?»

Майка задралась. На груди — несколько хорошо заживших пулевых ранений. Я осторожно беру его за руку:

— Видно, не до конца исполнил свою миссию здесь...

Заворочавшись во сне, Саша решительно отнимает руку, как воин, как бандит, как убийца, мягко сказавший: «Ну, зачем тебе об меня пачкаться? Ты же писатель. Тебе жить, чтобы — спасти...».

* * *

Однажды в «Дорожном патруле» я увижу очередной изувеченный труп. Широко раскрыты отмучившиеся сиреневые глаза, которые смотрели на века старше своего возраста. На левом плече — татуировка: одноглазый пират с кинжалом в зубах. Свирепая рожка, почему-то казавшаяся мне смешной.

— Как должно, — прошепчу я побелевшими губами. А потом искусаю их в кровь, как в день смерти моей непутевой подружки Ани. Почему, почему мне вечно оплакивать?

— Отец, почему выживают не лучшие, а те, кто умеет приспособливаться? — вдыхая ладан, прищурясь на огоньки свечей, упрямо стану добиваться у Распятого Христа.

Надтреснутый голос бандюка с Пятницкой ответит едва слышно:

— Основной закон этой планеты.

И я тихонько осторожно опять прикрою за собой дверь, снова выходя в мир людей, которых так люблю. Чтобы влюбиться в жизнь, вернуться в себя и начать с начала... Вперед по пустыне, унося слова еще одного потерянного друга: «Я понял. Ура! Понял только сейчас: писатель проживает миллионы жизней!..»

Анна Барина

Проводнический сын

Руководители проекта *В. Лошак, С. Кондратов*

Редактор *Т. Михайлова*

Художественный редактор *О. Сkochко*

Корректор *Ю. Баклакова*

Компьютерная верстка *Е. Яковенко*

Подписано в печать 24.12.07 г.

Формат 70x108^{1/32}. Бумага газетная.

Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.

Тираж 60 000 экз. Заказ № 0721520.

ТЕРРА—Книжный клуб.

127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал макета в ОАО Ярославский полиграфкомбинат 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Народная библиотека «Огонька»

С 1 февраля в каждом отделении Почты
открыта подписка на следующие издания:

Универсальный словарь: В 4 томах	1390 р.	Мериме П. Собрание сочинений: В 5 томах	1250 р.
Большая Энциклопедия «Терра»: В 62 томах	74400 р.	Монтень М. Опыты: В 3 книгах	890 р.
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 полутомах	68000 р.	Моруа А. Собрание сочинений: В 10 томах	2580 р.
Михельсон М. Труды по русской фразеологии: В 6 томах	1960 р.	О. Генри. Собрание сочинений: В 5 томах	995 р.
Детская энциклопедия: В 10 томах	4620 р.	Островский А. Собрание сочинений: В 6 томах	1014 р.
Энциклопедия «Великий час океанов»: В 5 томах	2250 р.	Песков В. Сочинения: В 9 томах	2520 р.
Авенариус В. Собрание сочинений: В 5 томах	990 р.	Похлебкин В. Сочинения: В 6 томах	1450 р.
Алданов М. Собрание сочинений: В 8 томах	1232 р.	Ремарк Э. М. Собрание сочинений: В 8 томах	1592 р.
Андерсен Х.-К. Собрание сочинений: В 4 томах	1520 р.	Родари Дж. Собрание сочинений: В 4 томах	1220 р.
Блок А. Собрание сочинений: В 6 томах	1280 р.	Сабанеев А. Собрание сочинений: В 8 томах	1456 р.
Бунин И. Собрание сочинений: В 9 томах	1830 р.	Сабатини Р. Собрание сочинений: В 10 томах	1820 р.
Гиббон Э. Закат и падение Римской империи: В 7 томах	1386 р.	Софья де Сегюр. Собрание сочинений: В 5 томах	1275 р.
Горький М. Собрание сочинений: В 6 томах	936 р.	Сименон Ж. Собрание сочинений: В 10 томах	1990 р.
Гранин Д. Собрание сочинений: В 5 томах	1075 р.	Соловьев Вс. Собрание сочинений: В 9 томах	2080 р.
Грин А. Собрание сочинений: В 6 томах	1242 р.	Уэдсли О. Собрание сочинений: В 6 томах	1308 р.
Долгополов И. Мастера и шедевры: В 6 томах	1500 р.	Флеминг Я. Собрание сочинений: В 7 томах	1540 р.
Карамзин Н. Полное собрание сочинений: В 18 томах	3060 р.	Фолкнер У. Собрание сочинений: В 6 томах	1194 р.
Колетт С.-Г. Собрание сочинений: В 7 томах	1274 р.	Хаггард Г. Р. Собрание сочинений: В 12 томах	2880 р.
Купер Ф. Собрание сочинений: В 9 томах	1845 р.	Чуковский К. Собрание сочинений: В 5 томах	1025 р.
Лесков Н. Собрание сочинений: В 7 томах	1015 р.	Ян В. Собрание сочинений: В 5 томах	1310 р.